

ФЕЛЬЕТОНЪ.

СОЮЗНИКИ.

Жоржъ Сарсэ, ресторанный поваръ, съ улыбкой удовольствія на бритомъ и красномъ кругломъ лицѣ, сложилъ листъ газеты „Le Petit Journal“, весело блеснулъ своими сѣрыми глазами и, щелкнувъ пальцами, произнесъ:

— Très bien! La belle France et la grande la Russie—какъ говорилъ веселый король Генри... Это парочка, для которой земной шаръ будетъ тѣсенъ, если она захочетъ повальсировать...

Жоржъ Сарсэ—сангвиникъ и любитель выпить, былъ ярый политикъ, убѣжденный сторонникъ франко-русскаго alliance'овъ и большой почитатель историческихъ фантазій Дюма-рѣге... Въ свободное время онъ устраивался гдѣ-нибудь въ уютномъ уголкѣ, доставлялъ номеръ своего „Petit Journal“ и за бутылкой вина тщательно прочитывалъ эти сѣрые листы, отражавшіе лихорадочную жизнь его родины. Статьи подписанные Эрнестомъ Жюдъ,—всегда приводили въ восторгъ Жоржа и служили компаньономъ для его взглядовъ.

Теперь онъ какъ разъ прочиталъ именно такую статью и выпилъ бутылку вина. И то, и другое настроило его на радужно-обшительный ладъ и вотъ онъ, желая перекинуться парой словъ на родномъ языкѣ о дѣлахъ своей страны, рѣшилъ отправиться къ знакомому парикмахеру выпить еще бутылку и еще разъ почитать Жюда.

До парикмахера не далеко,—стояло только перейти черезъ городской скверъ. У Жоржа было въ распоряженіи почти два часа свободнаго времени; тамъ, въ кухнѣ, работали его помощники, завтраки начнутся еще не скоро. Зажурилъ сигару, съ видомъ раянтѣ Жоржъ вышелъ на улицу и сразу

окунулся въ цѣлое море шума ея жизни и блеска вешняго солнца. Это еще болѣе подняло его настроеніе—онъ шелъ и улыбался, прищуривая глаза и смакуя чувство бытія, пропитавшее его какъ вода губку.

Блѣдно-синее небо, молодая, пахучая зеленень деревень, нервный шумъ бойкой улицы большого города, радостный блескъ солнца, щедро разлитый всюду—вся эта живая звучная симфонія, имя которой—жизнь, заставили француза вспомнить о бульварахъ родного Парижа... Вотъ уже слишкомъ четыре года онъ не видалъ его. И онъ вздохнулъ. Но не въ его натурѣ и не при такомъ настроеніи думать на грустные темы, и мосье Жоржъ въ слѣдующую секунду уже плутовате, съ манерой истаго вивера, подмигнувъ глазомъ встрѣчной швейкѣ. Вокругъ все куда-то такъ быстро идетъ и ѣдетъ,—и этотъ ускоренный весенній темпъ жизни—такъ хорошъ, кажется что вмѣстѣ съ мелодіей, зеленю и яркимъ солнцемъ, въ жизнь влилась струя новой ээнергіи...

Въ скверѣ всюду по дорожкамъ бѣгали дѣти, красивые и арконарядные, какъ живые цвѣты, бойкіе, гибкіе и шумные, какими умѣютъ быть только дѣти. Поглядывая на кормилицъ и молоденькихъ гувернантокъ, достойныхъ взгляда француза и парижанина, мосье Жоржъ медленно шагаль по скверу, наслаждаясь запахомъ своей сигары, кипящей вокругъ граціозной жизнью дѣтей и думая, что пройдетъ еще годъ и сумма его сбереженій округлится настолько, что, быть можетъ, даже навѣрное, въ слѣдующемъ маѣ, онъ будетъ въ Парижъ....

— Господинъ Жоржъ!

— А! Коллега! Добрый день!

Сидя на одной изъ скамеекъ сквера, въ важной позѣ независимаго человѣка,—Жоржа позвалъ Андрей Карповичъ Пиликинъ, поваръ изъ ресторана, конкурирующаго съ рестораномъ мосье Жоржа. Андрей Карповичъ, коренастый волжанинъ съ широкимъ, монгольского типа скуластымъ лицомъ и съ сѣрыми гла-

зами нѣсколько прищуренными, какъ-бы пресыщенными всѣмъ видимымъ ими. У него на кругломъ животѣ—толстая серебряная цѣпь, на пухлыхъ, короткихъ пальцахъ—кольца, въ рукѣ—трость съ серебрянымъ набалдашникомъ.

— Куда изволите держать вашъ путь, господинъ Жоржъ?—спросилъ Андрей Карповичъ, когда Жоржъ, съ улыбкой пожавъ ему руку, опустился рядомъ съ нимъ...

— Иду прогулять себя!..

— Променадъ, значить, по вашему слѣлать. Это очень полезно для желудка и, вообще, для здоровья всего корпуса; въ такое пріятное время, какъ майское утро,—сентенціозно и поджимая губы, замѣтилъ Андрей Карповичъ.

— О да! Я пилъ вино, читалъ газету и пошелъ—широко улыбаясь, рассказалъ мосье Жоржъ и игриво потрепалъ колѣно кол-леги...

— Пили вино? Такъ-съ. Въ прищуренныхъ глазахъ Андрея Карповича что-то блеснуло. То-то вы идете, а я смотрю и вижу—видъ у васъ этакій одушевленный.

— Это—газета! Вино—три бутылки пью и вичего!—возразилъ мосье Жоржъ, произнеся „ч“ такъ, какъ будто у него въ горлѣ сидѣла змѣя... Это статья о союзѣ... о Франціи и Россіи. Вы читаетъ газеты?

— Иногда въ свободное время балуюсь, отчего-ж? Но больше заставляю одного ученика—очень бойко читаетъ, бестія, такъ и трещить, какъ котлеты рубить. А у меня—слабы глаза .. Сами знаете, при нашей жаркой жизни, очень портятся глаза отъ плиты...

— О!—качнулъ головой мосье Жоржъ—это такъ! что у васъ пишутъ о союзѣ?

— У насъ?—Андрей Карповичъ посмотрѣлъ на конецъ своего ботинка, потомъ поднялъ глаза къ небу и помолчалъ...

— Ничего, мы пишемъ благосклонно... Но теперь больше насчетъ итальянца идетъ, а съ вами уже окончили дѣло прошлое.

— Какъ—покончили?—спросилъ мосье Жоржъ.

— Ну перестали читать къ вамъ интересъ, стало быть. Вы къ намъ пріѣхали, мы къ вамъ тоже—и дѣло въ шляпѣ!

Французъ весело засмѣялся и потрепалъ Андрея Карповича по плечу..

— На всегда!? Вотъ!—сказалъ онъ съ искреннимъ чувствомъ въ глазахъ..

Андрей Карповичъ наморщилъ брови и почесалъ усы..

— Ежели вы супротивъ насъ никакого бунта не намѣрены поднимать и вообще будете въ покорности, то, конечно,—намъ это очень пріятно и мы всегда готовы вздуть и нѣмца, и англичанина, ежели онъ васъ будетъ тѣснить или что-нибудь этакое .

— Бунта? Вы говорите что—революція? —напряженно наморщивъ лобъ, спросилъ мосье Жоржъ.

Андрей Карповичъ строго поджалъ палецъ къ верху и потрясъ рукой.

— Ни—ни? Этого—не позволимъ. Сейчасъ полицію и—капуть..

— Что—капуть?

— Вамъ капуть, въ Сибирь!

Мосье Жоржъ усиленно сталъ тереть лобъ, поглядывая на своего собесѣдника. Онъ чувствовалъ, что они оба не понимаютъ другъ друга, но не могъ уяснить себѣ, гдѣ начало этого непониманія. Его знаніе русскаго языка было не таково, чтобъ онъ могъ не путаясь излагать свою мысль. Но вотъ въ головѣ его блеснула одна идея, онъ выхватилъ изъ кармана „Journal“ и помахавъ имъ у носа коллеги началъ торопясь и нѣсколько волнуясь излагать свою мысль.

— Ma patrie... Я говорю мое отечество и ваше.

— Карповъ я по отцу... солидно заявилъ Пилкинъ и высморкался съ сознаниемъ своего достоинства.

— Non... Я не говорю от-че-те-ство—я говорю моя страна и ваша.

— Понимаю—мотнулъ головой Андрей Кар-

повичь ваша сторона—Франція, городъ Парижъ, а моя ярославская губернія, городъ Угличъ. Пространство мѣста весьма обширное между нашими сторонами...

— О! воскликнулъ мосе Жоржъ... Очень велика Россія! Да, я знаю—обширна! Но...

— Это справедливо... важно подтвердилъ Пилкинъ.. ежели взять ее только по Волгѣ, то и то окажется она длиною не менѣе какъ до десяти тысячъ верстъ и даже болѣе... Вамъ это очень трудно повять—а намъ русскимъ, просто плевое дѣло. Потому, ежели ее взять отъ Петербурга до Ташкенту, то она еще длиннѣе. И въ ней еще много разныхъ направленіевъ—отъ Архангельска до Астрахани—уйма мѣста! Въ нее, въ Россію, ежели взять и опрокинуть, напимѣръ, Каспійское море—то оно будетъ просто лужа для порядочной губерніи.

Андрей Карповичъ солидно плюнулъ и, заложивъ ногу на ногу, съ сознаниемъ своего превосходства посмотрѣлъ на француза.

Тотъ понималъ, что его коллега говоритъ не о томъ, о чемъ хочется ему, мосе Жоржу... И наморщивъ лобъ, онъ задумался о томъ, какъ и какими словами и можно передать коллегѣ глубоокое значеніе политическаго и дружескаго союза двухъ націй...

Пилкинъ внимательно взглянулъ въ его красное лицо и откашлялся...

— Каково потрговываете, господинъ Жоржъ? Бонъ?

— О—да, сказалъ французъ, ища нужныхъ ему словъ.

— Гмъ... Протаньеръ у васъ очень хорошъ... и бордолезъ тоже... Вообще супы ваши—ахъ хороши! И какъ это вы достигли въ супахъ этакого тонкаго эффекта? Франція—одно слово! Пиканъ—работа! По части кухни—Франція дѣйствительно очень удивительная страна...

Мосе Жоржъ поймалъ только два послѣднія слова. Онъ схватилъ коллегу за руку, крѣпко сжалъ ее и потрясъ.

— Этотъ союзъ—имѣетъ великій будущий. Это исторіи незнакомый взрывъ чувствъ у двухъ разныхъ націй. Мы—родные по душамъ. Вы согласны? Да?—съ чувствомъ говорилъ онъ...

— Ничего, что-же!—отвѣчая ему пожатіемъ, солидно сказалъ Пилкинъ, не понимая его волненія и объясняя его себѣ бутылкой вина, выпитаго мосе Жоржемъ.

— Я согласенъ. Мы русскіе народъ-рубаха. Намъ ежели не противорѣчить, мы на все пойдемъ...

— Французъ—я радъ за мое... страну И я всегда съ душой крикну vive Россія! Здравствуй страна друзей!

На нихъ обращали вниманіе, и Пилкину такому корректному, это не нравилось.

Но у него была тоже своя идея и ему не хотѣлось разстаться съ французомъ, не попробовавъ кое-чего...

А экспансивный мосе Жоржъ все возбуждался... рѣчами о союзѣ и его значеніи.

— Ты теперь скажешь—Европа—это мы! Вы и мы—это вся красота и сила Европы! Да? И всѣ—не противорѣчатъ намъ? Да?

— Ну-ка, попротиворѣчь, попробуй! Грозно нахмурилъ брови Пилкинъ... Гибель устроить, разрушенія и содомъ! А все-таки... насчетъ кухни вы насъ обогнали! И когда это вы, г. Жоржъ, овощи запускаете въ протаньеръ, что онъ у васъ имѣетъ такой духъ и пиканъ? а? Пилкинъ лстиво посмотрѣлъ въ возбужденное лицо француза и мило, какъ влюбленный, улыбнулся ему.

Французъ изумленно поднялъ брови не уловивъ перехода отъ судебъ отечества къ овощамъ.

— Почему—овощи?—спросилъ онъ...

— Не почему, а когда, я говорю...—поправилъ его Пилкинъ.—Когда вы ихъ засыпаете въ бульонъ? я такъ думаю, что въ этомъ, во времени, значитъ, весь секретъ.

— Вы хотите мой секретъ?

Мосье Жоржъ вздрогнулъ и отодвинулся отъ собесѣдника. Потомъ плотно сжалъ губы, онъ сѣзвивъ глаза, какъ-то особенн тонко свистнулъ. Пилкинъ смутился и заерзалъ по скамьѣ...

— Дѣйствительно, если ваша нація и наша нація взявшись за руки, да...

О, вы очень хитрый человекъ! Тихо сказалъ мосье Жоржъ.

— Да, пойдутъ по землѣ устанавливать свои порядки, продолжалъ Андрей Карповичъ, будто неслыхавъ фразы мосье Жоржа.

— Adieu! сухо сказалъ мосье Жоржъ, поднимаясь со скамьи...

— Уходите уже? любезно освѣдмился Пилкинъ... Жаль-такая интересная бесѣда... А пожалуй и мнѣ пора... Вы куда?

— Мосье Жоржъ ткнулъ ему руку и съ холоднымъ лицомъ, повернувшись отъ коллегъ, пошелъ на право по дорожкѣ сквера.

Пилкинъ прищуренными глазами посмотрѣлъ ему въ слѣдъ, и усы его ш велились, какъ у кота.

— Обойдешь васъ, чертей, какъ-же! Скорѣе черта поддеюлишь, чѣмъ француза.

Онъ взмахнулъ въ воздухъ палкой и пошелъ въ сторону противоположную той, куда отправился мосье Жоржъ.

Всюду вертѣлись дѣти, ихъ смѣхъ, ихъ звонкіе голоса такъ хорошо звучали въ чистомъ воздухѣ, въ яркомъ солнцѣ, въ молодой зелени. На дорогѣ Пилкина стояла дѣвочка, въ бѣломъ платьѣ, съ цвѣтами на шляпкѣ, изъ подъ которой по плечамъ у нея разсыпались золотистыя кудри. Она заразительно весело хохотала, держась за бока, вся пр питанная солнцемъ...

— Нельзя стоять на дорогѣ... сказала вдовольно Пилкинъ, обходя ее...

Бавг. 1896г.

М. Г—вій.

234, Мич. Мем.